

417—418), Владимира Глебовича (стр. 439), Всеволода Святославича (стр. 467). Обязательная для каждого некролога прямая характеристика покойного князя и внесла первые элементы агиографической стилизации; о ней выразительно говорят эпитеты, которыми теперь как ореолом начинает окружаться имя князя: „благоверный“, „христолюбивый“, „честный“, „блаженный“, даже „святой“ (Владимир Мономах); в особенности же, подбор христианских добродетелей, которыми здесь, часто без должного чувства меры, стал наделяться покойный князь: „братолюбец“, „нищелюбец“ (Владимир Мономах), „бе украшен всякою добродетелию“, „манастыри набдя и черньце утешивая, и мирьския церкви набдя и попы, и весь святительский чин достоиню честью чтяше“ (Святослав Ростиславич), „братолюбец“, „кроток, благонравен, манастыре любя, чернецький чин чтяше, нищая добре набдяше“ (Глеб Юрьевич), „избранник божий“, „въистину божий угодник“ (Святослав Юрьевич), „смерен, кроток, незлобив, правдив, любовь имеяше ко всем“, „страха божия наполнен, нищая милуя, манастыре набдя“ (Роман Ростиславич) и т. п. Наличие в повести всех элементов некролога (сообщения о том, когда умер князь; где был погребен; сообщения о плаче над телом князя его родственников или всего народа; его прямой „от автора“ характеристики как человека) свидетельствует, что закончился процесс формирования повести как жанра, когда к некрологу начал присоединяться расцвеченный всеми штампами агиографического стиля рассказ о событиях, непосредственно предшествовавших кончине князя, об обстоятельствах его смерти. Рассказ этот в составе повести занял центральное место и, естественно, несколько отодвинул в сторону традиционный некролог, но не вытеснил его; все его составные части остались, нередко чередуясь в том же порядке, что и раньше. Правда, теперь, когда с присоединением к нему рассказа об обстоятельствах смерти князя некролог перерос в повесть, агиографическая тенденция в нем заметно усилилась: сообщение о том, когда скончался и где был похоронен князь, стало приобретать более патетический характер, обрастать подробностями в агиографическом вкусе (когда умер Игорь Ольгович, в церкви святого Михаила над телом его произошло чудо: сами собою зажглись свечи; когда сообщили об этом митрополиту, он поступил так, как всегда в „житиях“ поступают в таких случаях митрополиты или епископы — „повеле потаити такую благодать, богу явльшуся над ним“); в сторону характерной для агиографического стиля „умилительной“ чувствительности стал расширяться и другой элемент некролога — сообщение о заупокойном плаче родственников и народа (когда шествие с телом Андрея Боголюбского подошло ко Владимиру, „люди“ владимирские „не могоша ся нимало удержати, но вси вопьяхуть, от слез же не можашу прозрити, и вопль далече не слышати“); — часто стал приводиться и самый плач (см. плач Кузьмища Киянина над телом Андрея Боголюбского; плач новгородцев над телом Мстислава Ростиславича, замечательный и по своему лиризму, и тем, что в нем впервые встречается формула, не раз впоследствии применявшаяся: „... не можемь